

DOI: 10.46698/VNC.2021.78.39.011

**ВОЗМОЖНОСТЬ ДИАЛОГА
(ОБ ИСЛАМОВЕДЧЕСКИХ ТРУДАХ
А.А. ГАССИЕВА)**

С.А. Айларова

Статья посвящена анализу исламоведческих трудов осетинского просветителя, философа, публициста А.А. Гассиева. Исследования богословского и религиоведческого характера по истории и культуре ислама относятся к раннему этапу творчества просветителя. Являясь частью противомусульманской полемики – особой формы православного богословия – эти работы далеко выходят за рамки своей «жанровой» природы. Они демонстрируют широту кругозора автора, обширные познания в богословской и специальной исламоведческой литературе XIX в., блестящее знание истории и культуры мусульманства, его текстов, образов и символов. Гассиев выделяет и анализирует те пункты коранического (исламского) вероучения, которые сближают, но в то же время отличают его от христианского, пытается освоить внутреннюю логику Корана. Рассмотрены основные догматические положения ислама о едином Боге, отношении Корана к Христу и христианству, предопределение и свобода воли человека и т.д. Подчеркивается своеобразная диалектика трактовки Корана и ислама вообще: его универсальный, гуманный характер как изначального учения, и определенные искажения его принципов в ходе истории мусульманских обществ. Изучение такой литературы (богословской, миссионерской) в сегодняшней современности весьма полезно для понимания традиционной логики общения христианства (православия) с инаковерием и инакомыслием, характерной для XIX в. Несмотря на полемико-апологетический характер, в работах Гассиева есть определенная установка на понимание другой веры. Это первый шаг на пути диалога, на пути взаимопонимания. Исламоведческие труды А.А. Гассиева, благодаря глубине и разносторонности, идейной открытости и отсутствию тенденциозности и предвзятости, могут быть основой (безусловно, учитывая время их написания) поиска форм мирного сосуществования и взаимодействия христиан и мусульман на Северном Кавказе и в целом в России.

Ключевые слова: северокавказская интеллигенция, А.А. Гассиев, исламоведение, Коран, межрелигиозный диалог.

Афанасий Абрамович Гассиев – осетинский просветитель, философ, публицист – отличался особым интересом к проблемам истории и культуры мировых религий. Его перу принадлежат исследования религиоведческого и богословского характера по исламу и христианству, религиозной этике и философии, публицистические статьи по тем или иным актуальным темам культурно-конфессионального характера.

К наиболее ранним и интересным студиям А.А. Гассиева относятся его исламоведческие работы. Это богословские труды «Коран, его происхождение и образование» (магистерская диссертация в период учебы в Киевской духовной Академии), «Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения», и ряд статей религиозно-теологического характера. Все они были опубликованы в различных церковных изданиях, впоследствии переизданы [1].

Церковная противомусульманская полемика была органической частью православной миссионерской деятельности среди мусульман России. Сама потребность в богословском истолковании ислама опиралась на все возрасавшую миссионерскую деятельность Русской церкви во второй половине XIX в., а также на активно развивавшееся в этом столетии академическое востоковедение. Однако церковная полемика все же значительно отличалась от научного востоковедения, а также религиозно-философских интерпретаций ислама (как в России, так и в Европе того времени). И если перед православным богословием XIX в. прежде всего стояла задача доказать цивилизационную и богословскую несостоятельность ислама, то нельзя сбрасывать со счетов и его попытки осмыслить, объяснить ислам как особый религиозный феномен. Во второй половине XIX – начале XX в. это неоднозначное, диалектическое целеполагание можно отметить во многих значительных богословских трактатах указанной направленности (см.: [2; 3; 4; 5]).

Работы Гассиева (имевшего высшее богословское образование и бывшего в эти годы преподавателем духовного училища) – относятся к тому же жанру церковной противомусульманской полемики и, безусловно, несут на себе печать особенностей этой литературы.

В историографии трудов осетинского просветителя его религиозно-богословские, в частности, исламоведческие работы привлекли определенное (хоть и фрагментарное) внимание исследователей, но богословский характер этих работ не педалировался [6]. Порой исследователи настаивали на их атеистическом содержании [7]. В данной статье ставится задача анализа исламоведческой

части творческого наследия Гассиева, выявление его богословских подходов к исламу. А поскольку Северный Кавказ относился к регионам России, где мусульмане составляли значительное большинство населения – то интересно и то, какие перспективы, по мнению осетинского просветителя, несла его народам исламская, нехристианская духовность. Поскольку родная Гассиеву Осетия была по преимуществу христианским, православным регионом, но испытывала на протяжении нескольких столетий активную мусульманскую пропаганду, задачи христианской миссии были здесь особенно актуальны.

Богословские основания критики ислама для православных авторов формировались под влиянием традиционной византийской полемики, во многом усвоенной через Максима Грека (см.: [8;9,142-143]). Такая полемика исходила из понимания религии мусульман как ложной, Мухаммеда как лжепророка и Корана как лжеписания. Научная ее часть базировалась на работах французского исламоведа и востоковеда Эрнста Ренана и его европейских современников и последователей (см.: [10]).

Православная интерпретация опиралась на определенный тезис: Богооткровенную веру Иисуса Христа отделяет пропасть от любой веры, выросшей из природы и истории [2, 262]. Ислам возник «путем исторически-естественного процесса», а христианство есть религия чуждая «всякой зависимости от каких бы то ни было натуральных условий», так что нам представляется «совершенно непонятным и необъяснимым явление его именно в известное время, в известном месте и среди известного народа», – писал автор известного богословского трактата, са-

марский священник Н. Боголюбский [2, 263].

В этом смысле показательна ранняя работа Гассиева «Коран, его происхождение и образование». Автор предположил ей такое вводное рассуждение: «Коран – известная религиозная книга магометан – есть национальное арабское произведение, обязанное своим происхождением особым историческим условиям и явившееся в настоящем своем виде не вдруг, а образовавшееся постепенно. Поэтому, говоря о его происхождении и образовании, мы представим прежде всего изображение оригинального духа арабов в его жизненном развитии и высшем проявлении, в литературе и языке; затем постараемся проследить историю образования и видоизменений Корана, исправлений и редакций, словом, историю вида или формы, в которой мы видим теперь Коран; наконец, перейдем к истории внутренней стороны Корана – укажем, на какой религиозной почве родились идеи, выраженные им, под влиянием чего родились и как выразились они в авторе Корана» [1, 34].

Рождение христианства – есть чудо и тайна; тогда как ислам – порождение истории и культуры Аравии, арабской ментальности, недостижимая вершина и квинтэссенция арабской духовности и мысли. Коран весь корнями в особой арабской поэзии, ее жанрах и видах, особой декламации и рецитации, ее образности, красотах и метафорах, особых мыслеобразах и колоритных носителях этой традиции. Автор детально прослеживает древнейшие традиции письменности Аравии; как фиксировался и записывался Коран, отбор и редактуру, первые списки и позднейшие редакции и дополнения.

«Несмотря на все превратности, каким подвергалось... издание текста Корана, мусульмане за каждой йотой признают божественное происхождение и весь Коран считают творением самого Бога, вечным творением, существовавшим изначально в Боге» [1, 60].

Длительный период складывания основного блока проповедей пророка Мухаммеда (22 года), сложные перипетии сбора уцелевших сур и аятов, соперничество редакций – все это должно было, по мысли Гассиева, взывать к большей критичности в экзегетике Корана. «Известно, что суры или главы его проходят через довольно длинный период времени, в который и личность Магомета, и его взгляды изменялись, в который последовало много отмен не только отдельных мест, но и целых речей, тем не менее вошедших в нынешний состав Корана, благодаря неуменью редакции... которая, собравши все что было известно под именем Магомета, издала доселе употребляемый так называемый «официальный текст священной книги мусульман»¹ [1, 139].

Между тем подлинная наука и непредвзятое богословие отмечали факт «историчности» Корана, отразившись не только в сложной композиции Священного Писания ислама, но в отсутствии содержательной логики в его построении, расположении сур-глав. «Факт, указанный сейчас, т.е., что в настоящий состав Корана вошло много и отмененного, общепризнанный экзегетами и ориенталистами; признано также и то, что Магомет не только отменял и пояснял свои изречения, но давал их иногда по частным случаям, именно только на такие случаи, развивая их после в особых речах, дополняя их новыми мыслями, чтобы дать своим после-

дователям общие религиозные определения» [1, 139-140].

Для себя, в своей экзегезе Корана, Гассиев сформулировал следующие принципы: «Итак, невозможно уразуметь истинный смысл Корана иначе, как взяв за правило: при противоречивых изречениях его придерживаться большинства мест, следовать указаниям истории и хронологии речей, во-первых; во-вторых, учение Корана объяснять жизнью и личным характером Магомета» [1, 140].

Как и любой средневековый текст, Коран полон противоречий. Ведь согласованность – это современный критерий. Богословие Корана в большей мере говорит о конкретном моменте, чем формирует единую позицию двадцатидвухлетнего откровения, в разные периоды которого у Мухаммеда были разный опыт, разные занятия. Оно отражает обстоятельства каждой ситуации в определенном временном промежутке и их противоречивые требования. Поэтому исламское богословие толковало Коран, опираясь на повествования о жизни Мухаммеда, чтобы понять, что Коран подразумевает. Многочисленные исторические события, наполняющие жизненный путь Мухаммеда, объясняют те или иные положения Священной Книги. «Без сиры², описывающей многочисленные исторические события, невозможно понять Коран» [11, 287].

Жизнь и пророческое служение Мухаммеда – сердцевина ислама. Но, как и для каждого христианского писателя, для Гассиева истинность пророческой миссии Мухаммеда – такой же сложный и спорный вопрос, как и божественное происхождение Корана. Гассиев категорически отвергает концепцию ка-

толических теологов и историков, что исламский пророк – «сознательный обманщик, компилятор, воровавший бессовестно и краденое выдававший за божественное» [1, 88]. Скорее, это самообман экзальтированной, впечатлительной личности, склонной к длительной сосредоточенности и самоуглублению. Но однажды поверив в свое пророческое призвание, Мухаммед шел к своей цели с огромным воодушевлением и самоотверженной силой, никогда в продолжении двух десятков лет не изменив убежденности в своем божественном призвании.

Гассиев характеризует причины, вызвавшие появление ислама, исторические условия, способствовавшие его укреплению и распространению среди населения Аравии, обозначает политические, социальные, религиозно-идейные корни этого феномена. Все источники, приводимые им, свидетельствуют о глубоком социальном кризисе, переживаемом Аравией в начале VII в., где не было общепризнанного политического центра, а межплеменные и межклановые столкновения несли хаос и разорение. Среди арабских племен распространялись христианство и иудаизм, действовали искатели единобожия – ханифы, не примыкавшие ни к одной из известных тогда религий монотеизма. Однако обособленные племенные культы, архаичные верования еще были очень сильны и препятствовали объединению арабских племен в одну народность. Этот кризис мог быть разрешен только выработкой новой идеологии, несущей идею объединения, отказа от племенного многобожия, создания централизованного государства. Этой религиозной идеологией стало учение Мухаммеда.

Несмотря на то, что религиозная реформа давно назрела, была обусловлена ходом исторических событий, Гассиев подчеркивал огромную роль фигуры Мухаммеда в ее подготовке и осуществлении: «Объединить нравственно-религиозные стремления арабских племен, занимавшихся доселе своими племенами божками, враждовавших друг с другом, тянувших в разные стороны и в общественной жизни и в религии – объединить эти племена идеей единого Бога, идеей равенства, братства и святости людей перед бесконечно святым и верховным Существом – это была задача, которая никому не приходила в голову до Магомета» [1, 92]. И если ислам стал высшим выражением арабской духовности, то Мухаммед был творцом его исторической формы: «Магомет был внутренней пружиной движения и деятельности своего общества; ни один из современников не был способен заменить его; с такой сознательностью, настойчивостью и самоотвержением никто из его современников не высказывал его идеи» [1, 93]. Деятельность арабского пророка словно иллюстрировала, по мысли Гассиева, общеисторический закон о роли личности в истории.

Возражая французскому исламоведу Э. Ренану, акцентировавшему внимание лишь на исторической обусловленности, «фатальности» успеха религиозной реформы Мухаммеда, Гассиев подчеркивает «преимущественное, направляющее значение в совершающемся перевороте исторического деятеля, лучше других сознающего умственно-нравственные потребности своего века или своего народа» [1, 93].

В следующей работе «Анализ Корана по основным вопросам вероучения и нравоучения» Гассиев представляет

палитру как общих у христианства и ислама элементов – от веры в единого Бога и этических предписаний – так и богословских различий внутри задаваемых сходными элементами рамок конвергенции.

Прежде всего он останавливается на отношении ислама к Христу, христианству и христианам. Этот вопрос был столь важен для XIX в., с его унаследованными еще со времен средневековья межрелигиозной нетерпимостью и войнами. Мнение Гассиева однозначно – «исторически развившееся мусульманство развилось далеко не согласно с духом и даже учением Корана, много привнесло в себя вражды христианству, а также фанатизма вообще» [1, 95]. Он подчеркивает, что ислам видит в Иисусе одного из великих посланников и пророков, выделяющегося в длинной череде посланников и пророков, играющих важную роль в исламской традиции. «Магомет далеко не был так враждебен христианской вере, как его последователи, особенно позднейшие; напротив, он питал и много раз высказывал к ней высокое уважение; в Коране есть ясные изречения, если не прямо о божественной стороне лица Христа, то по крайней мере о сверхъестественной; можно в нем указать глубокое сознание величия и превосходства лица Христа над всеми пророками, не исключая Магомета, равным образом, можно найти ясные изречения о спасительности религии христианской [1, 95].

Отметив, что Иисус высоко почитается и ценится в исламской традиции, Гассиев не прошел мимо и тех элементов христологии, которые отвергались Кораном. В связи с богосыновством Иисуса порицается такое представление, которое понимает Троицу в смыс-

ле трех богов. Однако, как подчеркивает Гассиев, данная критика может быть понята только в контексте времени возникновения текста Корана. «Магомет имел соприкосновение с христианами монофизитскими, арианскими» и другими сектантами, которые вносили невероятную догматическую путаницу, «называя каждое лицо св. Троицы в отдельном представлении Богом» [1, 101]. Кроме того, Мухаммед, «благодаря своему конкретному восточному восприятию и воспроизведению понятий», просто не понимал тонкости догматического толкования христианского учения о св. Троице, «считая его за учение о трех отдельных Богах или троебожии» [1, 101].

Второй спорный момент – распятие Иисуса. Гассиев указывает, что Коран отрицает распятие Иисуса – тот, кто умер на кресте, был не Иисус, а кто-то похожий на него. Это толкование встроено в учение, исходящее из того, что Бог не допустит для своего избранника смерти в такой форме. «Подобная мысль допущена Магометом по недоступности для его сознания догматической идеи о принесении Иисусом искупительной жертвы за спасение мира, вследствие чего ему оставалось судить об этом краеугольном догмате христианства с точки зрения простого нравственного сознания и отвергнуть историческую достоверность лежащего в основе его факта» [1, 98].

Между тем, расхождение гораздо фундаментальнее: мысль об искуплении через распятие Иисуса чужда Корану, так как ислам считает людей индивидуально ответственными за их поступки. Согласно кораническому пониманию, нет никакого «первородного греха», каждый человек сотворен

чистым и свободным, и каждый несет ответственность за свои действия и бездействие в рамках данных возможностей» [12, 134; 13].

Однако, несмотря на фундаментальные, разделяющие религии разногласия, Мухаммед считал христиан (как и иудеев) «верными» – за непримиримое антиязычество и высоту нравственных требований Торы и Евангелия. Мухаммед призывает своих последователей к согласию и миру с христианами и иудеями – «общая цель вашего существования – братское общение» (49:13).

Гассиев пишет, что «кроме равноспасительности трех монотеистических религий Коран признает даже национализм в религии и идею прогресса, что совершенно не согласно с духом мусульманства и всей его традицией» [1, 101]. В подтверждение сказанного он приводит интересные изречения арабского пророка: «Всякий народ имеет своего пророка», «на всякое время своя священная книга» – и восклицает: «подумаешь, это говорит какой-нибудь философ-социолог, а не арабский пророк!» [1, 140-141]

Гассиев подчеркивает универсальность, всечеловечность учения «либерального арабского пророка» – «всякого, кто убьет человека, надо рассматривать, как убийцу... человеческого рода», «Чернило ученого и кровь мучеников имеет одинаковую цену в глазах божьих». Как и учение божественного основателя христианства, Коран не содержит идеи или принципа национальности; человек, по учению арабского законодателя, есть гражданин мира, член в союзе человечества. В Коране не встретите ничего о племенных, ничего о фамильных преимуществах и рангах» [1, 141].

Остановился Гассиев специально и на кораническом понимании прозелитизма и роли в нем насилия. «В изречениях Корана о защите и распространении веры преобладает мягкий дух, близкий к веротерпимости. «Никого не преследуй, не нападай, если вера в безопасности» – такова общая тенденция Корана» [1, 127]. Черты агрессии, наступательного джихада – лишь исторические, позднейшие искажения веротерпимости Корана. «Только впоследствии мусульманские богословы стали, с крайними натяжками, выводить из истории Магомета и некоторых изречений Корана мысли о распространении религии оружием» [1, 127]. Так, он приводит известный аят Корана, где в оправдание религиозной битвы приводятся следующие слова: «Кровь, пролитая на войне, меньший грех, чем идолопоклонство. Кто предан идолопоклонству, те не могут ожидать от Бога никакого милосердия. Преследуйте их, осаждайте их города, предавайте их разрушению» (2:4). Здесь Гассиев подчеркивает «что подобная мысль вызвана, без сомнения, обстоятельствами ненависти к Магомету язычников и нигде в Коране не повторяется определенным образом, а что главное, противоречит общей тенденции Корана о распространении ислама словом и убеждением» [1, 127]. Гассиев снова и снова повторяет, что образ агрессивного, «кровавого» джихада создан при содействии недобросовестного богословия и всецело на его совести – «в позднейшее время мусульманство (в эпоху процветания халифства) между продажными толкователями Корана нашлись такие казуисты, которые старались развивать правила “священной войны” в чисто экзегетическом духе» [1,127].

Ведь ислам как религиозная традиция развивался тысячелетие: в складывании этой традиции, в развитии мусульманских правоведческих школ и направлений шел процесс непрерывной идейной работы. «Исламизм³ как догматизированное учение... уподобляется чистому источнику, принявшему в себя нечистые излияния мистиков, схоластиков, поэтистов, политиков и мечедержцев» [1, 141].

Поэтому, считал Гассиев, в историческом мусульманстве возможна реформа, возврат к гуманизму и человечности подлинного ислама, к святым истинам и духу Корана. «Неужели же мы должны смотреть на основы исламизма с точки зрения дервишей, теологов-мистиков и теологов-фанатиков, или с точки зрения «башибузуков» и «людей крови», убийством мнящих службу приносить Богу! От чего мусульманство не может сделать с теологической системой то же самое, что сделал Лютер и позднейшие протестанты-рационалисты с догматикой Рима? Отчего исламисты не могут согласить все свои религиозные и социальные установления с чистым учением Корана, как те церковную жизнь с Евангелием или Библией?» [1, 141]

Обратившись к основному догмату Корана – учению о едином Боге, Гассиев доказывает, что образ Творца и Промыслителя в исламе сложился под влиянием иудеохристианской идеи единства Бога: «Все, что содержится в Коране относительно учения о Боге, составляет лишь бледное выражение сказанного в Ветхом Завете и Новом» [1, 108]. Какими бы завораживающими и яркими ни были картины величия Божьего в мусульманском Писании, они – повторение библейской концеп-

ции. «Человеку, слышавшему историю Синайского Законодательства, псалмы Давида, пророческие изображения шествия Иеговы в Ветхом Завете, мысли Св. Иоанна и Павла, возвышенные речи книги Иовы, надо было иметь хоть самую слабую творческую способность фантазии, чтобы из этого готового материала, в духе арабского племени, создать свое изображение бога, «свое откровение Бога». Не важен образ, важна идея, выражаемая образом [1, 110].

Гассиев решительно отвергает теорию европейских авторов (Э. Ренана, А. Ширенгера, А. Мюллера и др.) об особом «монотеизме пустынножителей», в рамках которой исламский образ Единого Бога – творческое развитие арабского традиционного культа Аллаха-Тейла. «Заниматься узкою национальной идеей, темною, покрытой мраком культа идолослужения, вместо того, чтобы воспользоваться ясными определениями и изречениями Ветхого Завета и Нового о единстве Бога, братстве и религиозно-нравственной равноправности пред Богом всех, было бы странно более, чем “искание неведомого Бога”, притом человеком, не посвященным в таинства жреческой науки и секреты старинной религии арабов» [1, 110].

Впрочем, и сам пророк Мухаммед никогда не утверждал, что создает новую религию, но подчеркивал, что лишь стоит в длинном ряду божественных посланников и пророков. Его Бог – это также Бог иудеев и христиан.

В целом, оценивая образ исламского Бога, как он предстает в Коране, Гассиев повторяет традиционный для церковной полемики вывод: Бог ислама слишком далек от своих созданий. «Учение Корана о Боге не содержит в себе такого

оживляющего начала, какое дано в христианском догмате идеей Воплощения. Между человеком и Богом оставлена громадная пропасть. Поэтому-то в религиозном настроении мусульман мы напрасно искали бы теплого чувства, успокаивающей любви, ясного и смелого порыва духа; в нем лишь трепет ничтожества, давление идеи сверхъестественного влияния ...» [1, 114]

Исламские доктрины происхождения зла, последнего Суда представлены Гассиевым как своеобразное воспроизведение библейских рассказов, с некими арабскими «добавками», как «прифантазированное воспоминание Востока» [1, 114].

Учение о божественном предопределении (фатум) и свободе человека, пожалуй, уже рассматривается как выходящее за пределы просто догматических расхождений с иудеохристианской традицией, как положение, имеющее огромное социально-культурное цивилизационное значение и последствия. «Фатальны, по Корану, начало и конец человеческой жизни, дела и даже душевные расположения людей» [1, 105]. По мысли Гассиева, учение о фатуме разрушительно для нравственных основ жизни человека (хотя он и указывал на противоречивость его основ и наличие в Коране положений противоположного характера). «Учение Корана о предопределении не выдерживает критики; оно подавляет энергию человеческой личности, убивает в человеке дух изобретения, отнимает у него силу в житейской борьбе... и всем этим служит препятствием на пути развития мусульманских обществ» [1, 107].

Исламоведческие труды осетинского просветителя А.А. Гассиева являются важным этапом его духовного станов-

ления как мыслителя, философа, историка, религиоведа. Они демонстрируют великолепное владение всей доступной на тот момент в России (вторая половина XIX в.) литературы по исламу, прекрасное знание истории и культуры мусульманства, его основных текстов и символов. Изучение такой литературы (богословской, миссионерской) в сегодняшней современности весьма полезно для понимания традиционной христианской (православной) логики общения с иноверием и инакомыслием, характерной для того времени. Автор выделяет те пункты коранического вероучения, которые сближают, но в то же время отличают его от христианского, пытается освоить внутреннюю логику Корана. Безусловно, здесь еще не представлена исследовательская позиция допущения возможности другой веры не как ложной, а как иной. Но интеллектуальная честность демонстрирует своеобразную диалектику трактовки Корана и ислама вообще: его

универсальный, человечный, гуманный характер как изначального учения и изменение некоторых его основных принципов тенденциозным богословием, обслуживавшим на протяжении мусульманской истории политические интересы власти, разжигавшим национальные и межрелигиозные конфликты в различных регионах, в том числе на Северном Кавказе.

Здесь надо подчеркнуть, что речь идет в нашем случае о религиозной сфере, в которой разработка процедур понимания другой веры, положительного усвоения иной религиозной традиции в терминах своей, трудна и проблематична. Особенно в таких религиях, как христианство и ислам, полагающих себя Богооткровенными.

Однако, несмотря на полемико-апологетический характер, в работах А.А. Гассиева есть определенная установка на понимание другой веры. А это уже первый шаг на пути диалога, на пути взаимопонимания народов и культур.

Примечания:

1. *Магомет* – в европейской (прежде всего французской) историографии принятая огласовка имени пророка Мухаммеда.
2. *Сира* – жанр мусульманской историографии, жизнеописание пророка Мухаммеда.
3. *Исламизм* – понятие, употреблявшееся в XIX в. как синоним слова *ислам*. Распространилось под влиянием французского исламоведения.

1. Гассиев А.А. Избранные произведения. Владикавказ, 1992.
2. Боголюбский Н.И. Ислам, его происхождение и сущность по сравнению с христианством. Опыт историко-апологетического учения. Самара, 1885.
3. Синайский А.Л. Магометанство в его истории и отношении к христианству. Культурно-исторический очерк. СПб., 1902.
4. Аквилонев Е.П. О Божественности христианства и о превосходстве его над буддизмом и мохаммеданством. СПб., 1904.
5. Череванский Вл. Мир ислама и его пробуждение. СПб., 1901. Ч. 2.
6. Цаллаев Х.К. Философские и общественно-политические воззрения Афанасия Гассиева. Орджоникидзе, 1966.
7. Кусаев В.Х., Елоева Т.А. Проблемы гуманизма, религии и атеизма в философском наследии А.А. Гассиева. Владикавказ, 1994.
8. Преподобный Максим Грек. Избранные творения / Сост. М. Строганова. М., 2014.
9. Россия и мусульманский мир: Инаковость как проблема / Отв. ред. выпуска А.В. Смирнов. М., 2010.
10. Ренан Э. Ислам и наука (Речь, произнесенная в Собрании Научной Французской Ассоциации в Большом Сорбонском амфитеатре) / Пер. Алексея Ведрова. СПб., 1883.
11. Мурад С. Загадки Книги. История и современность // Христианско-исламский диалог. Хрестоматия / Под. ред. Мартина Аффельдербаха, Алексея Бодрова и др. М., 2018. С. 267-311.
12. Райнобольд В., Мохагегги Х. Иисус: пророк или Сын Божий // Христианско-исламский диалог. Хрестоматия / Под. ред. Мартина Аффельдербаха, Алексея Бодрова и др. М., 2018. С. 127-135.
13. Журавский А.В. Иисус в Коране // Мир Библии. 1997. Вып. 4. С. 89-95.

Ailarova, Svetlana A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); aylarova54@mail.ru

POSSIBILITY OF DIALOGUE (ON A.A. GASSIEV'S ISLAMIC WORKS).

Keywords: North Caucasian intelligentsia, Afanasy Gassiev, Islamic studies, Koran, interreligious dialogue.

The article is devoted to the analysis of Islamic studies of the Ossetian educator, philosopher, publicist A.A. Gassiev. Studies of a theological and religious nature on the history and culture of Islam belong to the early stage of the enlightener's work. As part of anti-Muslim polemics – a special form of Orthodox theology – these works go far beyond their "genre" essence. They demonstrate the breadth of the author's horizons, extensive knowledge of theological and special Islamic literature of the XIXth century, excellent knowledge of the history and culture of Islam, its texts, images and symbols. Gassiev identifies and analyzes those points of the Qur'anic (Islamic) doctrine that bring

it together, but at the same time distinguish it from the Christian, tries to master the inner logic of the Qur'an. The main dogmatic provisions of Islam about one God, the attitude of the Koran to Christ and Christianity, predestination and free will of man, etc. are considered. A peculiar dialectic of the interpretation of the Koran and Islam in general is emphasized: its universal, humane character as an original teaching, and certain distortions of its principles in the course of the history of Muslim societies. The study of such literature (theological, missionary) in today's modernity is very useful for understanding the traditional logic of communication between Christianity (Orthodoxy) with disbelief and dissent, characteristic of the 19th century. Despite the polemical and apologetic nature, in the works of Gassiev there is a certain orientation towards understanding another faith. This is the first step towards dialogue, towards mutual understanding. The Islamic studies of A. Gassiev, thanks to the depth and versatility, ideological openness and the absence of tendentiousness and bias, can be the basis (of course, seeing the time of their writing) for the search for forms of peaceful coexistence and interaction between Christians and Muslims in the North Caucasus and in Russia in general.

REFERENCES

1. Gassiev, A.A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vladikavkaz, Ir, 1992. 440 p.
2. Bogolyubsky, N.I. *Islam, ego proiskhozhdenie i sushchnost' po sravneniyu s khristianstvom. Opyt istoriko-apologeticheskogo ucheniya* [Islam, its origin and essence compared to Christianity. The experience of historical and apologetic study]. Samara, tip. M. Gran, 1885. 295 p.
3. Sinaisky, A.L. *Magometanstvo v ego istorii i otnoshenii k khristianstvu. Kul'turno-istoricheskii ocherk* [Mohammedanism in its history and attitude to Christianity. Cultural and historical essay]. St. Petersburg, 1902. 42 p.
4. Akvilonov, E.P. *O Bozhestvennosti khristianstva i o prevoskhodstve ego nad buddizmom i mokhammedanstvom* [About the Divinity of Christianity and its superiority over Buddhism and Mohammedanism]. St. Petersburg, tip. A. Merkusheva, 1904. 115 p.
5. Cherevansky, Vl. *Mir islama i ego probuzhdenie* [The world of Islam and its awakening]. St. Petersburg, Gos. tip., 1901, part 2. 255 p.
6. Tsallaev, Kh.K. *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vozzreniya Afanasiya Gassieva* [Philosophical and socio-political views of Afanasy Gassiev]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1966. 295 p.
7. Kusaev, V.Kh., Eloeva, T.A. *Problemy gumanizma, religii i ateizma v filosofskom nasledii A.A. Gassieva* [Problems of humanism, religion and atheism in the philosophical heritage of A.A. Gassiev]. Vladikavkaz, Rekl.-izd. agentstvo Goskomizdata, 1994. 168 p.
8. Stroganova, M. (comp.) *Prepodobnyi Maksim Grek. Izbrannye tvoreniya* [Reverend Maxim the Greek. Selected works]. Moscow, Blagovest, 2014. 320 p.
9. Smirnov, A.V. (ed.) *Rossiya i musul'manskii mir: Inakovost' kak problema* [Russia and the Muslim world: Otherness as a problem]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 528 p.
10. Renan, E. *Islam i nauka (Rech', proiznesennaya v Sobranii Nauchnoi Frantsuzskoi Assotsiatsii v Bol'shom Sorbonskom amfiteatre)* [Islam and Science (Speech delivered at

the Meeting of the Scientific French Association in the Great Sorbonne Amphitheater). Transl. by Aleksei Vedrov]. St. Petersburg, tip. M.M. Stasyulevicha, 1883. 25 p.

11. Murad, S. *Zagadki Knigi. Istoriya i sovremennost'* [Riddles of the Book. History and modernity]. *Khristiansko-islamskii dialog. Khrestomatiya* [Christian-Islamic dialogue. Chrestomathy. Eds. Martin Affolderbach, Aleksei Bodrov et al.]. Moscow, Izdatel'stvo BBI, 2018, pp. 267-311.

12. Reinobold, V., Mohagegi, H. *Iisus: prorok ili Syn Bozhii* [Jesus: Prophet or Son of God]. *Khristiansko-islamskii dialog. Khrestomatiya* [Christian-Islamic dialogue. Chrestomathy. Eds. Martin Affolderbach, Aleksei Bodrov et al.]. Moscow, Izdatel'stvo BBI, 2018, pp. 127-135.

13. Zhuravsky, A.V. *Iisus v Korane* [Jesus in the Koran]. *Mir Biblii* [World of the Bible]. 1997, iss. 4, pp. 89-95.